

ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ: ПУСТЬ

Труд-1996-12 янв. с.8

— Володя, как-то вы назвали себя «ироническим поэтом». С немалым правом вы могли бы употребить и определение «эротический»...

— Любимый поэт занимает свою экологическую нишу, а я занял экологический альков. Думаю, что на фоне сегодняшней агрессии «голубой субкультуры» я — один из последних гетеросексуальных поэтов. И дело не только в моей теме: о чем бы я ни писал, чем бы ни занимался, я постоянно соотношусь с этим упоительным явлением, этой безумной стихией под названием Женщина... Так что если вам очень хочется, можно употребить и слово «эротический» — ничего дурного в этом, право, нет.

— Каким же ветром вас занесло в эту тему: вы любили женщин, вам не давали покоя лавры Овидия, Бодлера или, не ровен час, Баркова?..

— Когда-то был совсем другой Владимир Вишневский — поэт, написавший две книги стихов о безответной любви. О большой, настоящей любви, такой, какая бывает только раз. Эти книги (а заодно — и пять лет жизни) я посвятил одной вполне конкретной девушке. Спасибо ей за то, что она сделала меня поэтом — хотя своей надменности она не преодолела, и моих главных стихов так и не прочла. Того Вишневого больше нет: раньше я писал длинные стихи о неразделенной любви, теперь — короткие

БЕСЕДА О ЖИТЕЙСКИХ ДЕЛАХ, ВИШНЕВСКИХ СТИХАХ И О ВАС, ЖЕНЩИНЫ!

Интервью с Владимиром Вишневым я собирался начать с описания места нашей встречи — и честно признался в этом своему визави. Однако автор знаменитых одностий, слегка покраснев, попросил этого не делать — а лучше вообще забыть, что место, где мы разговаривали, существует. Я обещал промолчать обо всем, что увидел, и сдержал слово. Но это задало тон всей нашей беседе...

НЕ МЭР, НО Я ОБЕСПОКОЕН

«Скажи отцу, чтоб он предохранялся» я и не говорю.

Как я выгляжу со стороны, не мне судить. После сутулой юности, после того, как я долго пробыл в ипостаси никому не известного молодого поэта, который к тому же неправильно себя вел, шедевры поведения для меня стали важнее поэтических шедевров. Я хочу так выстроить и прожить каждый отдельный эпизод моих взаимоотношений с людьми — по интонации, энергетике, темпоритму, — чтобы потом я себя одобрял.

— Вы ли это говорите? Такое можно было бы услышать, скорее, от

риста: свое отношение к этому персонажу они немедленно переносят на меня. Как-то я познакомился с милой молодой женщиной, врачом. Она сказала, что пришла в ужас, когда прочитала мою книгу. И посвоему, наверное, она была права. Нынче я при знакомстве визитных карточек девушкам не даю. Хотя сейчас это происходит иначе...

— Как это происходило раньше и как происходит сейчас?

— В моей жизни появилась такая обоюдоострая вещь, как узнаваемость. Как только позволишь себе расслабиться, происходит неприятные вещи: на рынке продавец говорит — «пухляк анекдотом»; владельца ларька с минеральной водой — «когда мы услышим одностийщицу?» Когда я изредка езжу в общественном транспорте, я уже лишен преимуществ моей юности — тогда я мог подойти к любой девушке...

— За чем же дело стало?

— Как-то в метро я познакомился с девушкой, представился — я, мол, поэт Вишневский. Она внимательно меня осмотрела и сказала — хм, похож... Здесь есть некое нарушение жанра — и поэтому в общественном транспорте я маскируюсь. Надвигаю шапочку на глаза, поднимаю шарф — и с моей чернотой внешностью становлюсь похож на лицо кавказской национальности стандартного полукриминального вида. И у женщин, и у милиционеров это вызывает однозначную реакцию: первые шархаются, вторые проверяют документы. На днях я попался остроумному омонувцу: свернув фотографию в паспорте с моей физиономией, он сказал: «Владимир Петрович, вы бы хоть маску надевали, что ли...» Я стал реже знакомиться, хотя для меня это всегда было средством передвижения по городу...

— Как это?

— Девиз моей юности — уличное знакомство не роскошь, а средство передвижения. Выйдешь из дому, чтобы ехать на Тверскую, увидишь на улице девушку — и очнешься в Бирюлево... Как бы то ни было, мои дни по-прежнему проходят в режиме автоматического поиска эротических впечатлений. Для меня самое приятное при выходе в этот страшноватый город то, что можно увидеть красивую женщину. Это вечно летнее преддверие встречи, в котором я себя держу, сильно скрашивает жизнь, дает ту долю легкомыслия, которая помогает выдержать жуткую московскую зиму. Потому-то так горько и больно из-за того, что теперь мне что-то мешает подойти к женщине в метро. Это нездорово. Это настораживает. Это, понимаешь, регресс. Надо искать какие-то новые формы. Новые подходы.

— Человеку женатому это не к лицу — вся Москва знает, как счастливы вы и Ирина Хакамада...

— Поразительно то, что масса серьезных, интеллигентных людей

этому поверила. А для сомневавшихся я отработал совершенно универсальную форму ответа, которая только подбрасывала новые щепки в костер этого розыгрыша: «Спасибо, конечно, но к чему вся эта газетная желтизна? Надо аккуратней, ведь это дело личное. Мы с Иришкой были против этой публикации». И все отходили с мозгами набекрень. Когда меня спрашивают: есть ли у вас политические симпатии? — я всегда отвечаю: есть. Моя политическая симпатия — очаровательная Ирина Хакамада. Уж коль скоро я приложил руку и сердце к этой фигуре, то я, как честный человек, обязан и буду ее поддерживать. Поэтому я проголосовал за ее «непроходной» блок — изменить это ничего не могло, но для меня было важно.

— И, наконец, последний вопрос. Каков ваш образ жизни, чем вы увлекаетесь?

— Приписан к родительскому дому, живу в другом, бываю в третьем, где у меня есть более привлекательные условия для работы. В разработке, как говорят в спецслужбах, несколько версий личной жизни. (Без комментариев.) Я, знаете ли, за то, чтобы было больше детей, хороших и разных. Как и их мамы.

Как тут быть неспешным и мудрым, Благородным, короной увенчанным?

Как ушел я во вторник утром, Так пришел в понедельник вечером.

Все мои увлечения вмещаются в одностийшие «о, как сладко фиговой заниматься». Мой идеал кайфа — широкая двуспальная кровать и пульт дистанционного управления под боком. В видеомагнитофоне при этом должна крутиться кассета о профессиональном американском боксе — о нем я знаю почти все, почему-то...

А об увлечениях... Это очень непростой для меня вопрос. Мои увлечения — это та территория, куда я никого не пускаю. Впрочем, — чего там, была не была — я еще с юности увлекаюсь греблей и когда-то занимался ею профессионально. Я и сейчас не изменил любимому спорту: два раза в неделю я езжу в Крылатское — тренирую женскую команду одной из московских фабрик. Восемь девушек разных комплекций, разного уровня подготовки — но все с большой перспективой... Я очень верю в моих девчонок. Думаю, что вы о нас еще услышите.

Вел беседу
Алексей Филиппов.

ВИШНЕВСКИЙ без К°
ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ.

если Вы используете дезодоранты из
(Саранска, Атланты...) (нужное вписать)

о разделенной. На старости лет я стал певцом взаимности: в свои сорок я просто не могу позволить себе роскошь кого-то безответно любить. Зря улыбаешься — ни до чего подобного я себя просто не допущу. Хотя — кто знает...

Итак, я мог бы стать средним, добротным лирическим поэтом, но мое естественное развитие (или, как раньше говорили про «судьбинных поэтов», — чувство пути) вывело меня на эту вот стезю. Причиной, видимо, была свойственная мне живость нрава, чувственность (говорят, что она заложена в самом имени Владимир). До поры все это находилось в узде — школы, времени, воспитания... А потом вырвалось наружу — в слово, в слова...

— Вы не только пишете стихи, но и читаете их с эстрады; более того — и на сцене, и в жизни играете роль остролиста, плейбоя, любимца публики — в особенности, само собой, женской ее половины... Вы от себя — такого не устали?

— Устал. И вообще — «как надоел я любящим меня!» Я понимаю, что пора менять репертуар, уходить куда-то вбок, обновляться... Тем более что мои одностийши уже ведут свое, независимое от меня существование. Ими начинают планерки и завершают свидания, их используют в диктантах. Недавно появилась статья поэта Пьянова с очень добрым названием «Осторожно — Вишневский»: речь в ней идет о том, что мои стихи превратились в своего рода новояз, по степени эпидемиологичности сравнимый с гонконгским гриппом. Короче говоря, я инфицировал большие слои населения. Про пародии (самая гениальная:

человека закомплексованного. Что значит «неправильно себя вел» и что такое «шедевры поведения»?

— Да, наверное, это какой-то реванш за закомплексованную советскую юность, когда я ходил по редакциям, пробивался, целиком зависел от редакторов... Сегодня я свои стихи никуда не предлагаю. Я рассматриваю предложения и, как правило, их отвергаю. И все же дело не только в этом; я стараюсь вести себя так, чтобы меня не разрушало безумие нашей действительности. Когда однажды, придя на выступление в ночной клуб, я попал в облаву и лежал вместе со всеми на полу, пока кого-то, выясняя личность, пинали ногами, мне не было страшно — я страдал от безвкусицы происходящего. Жизнь бывает достаточно безобразна: роль, которую я играю, помогает мне существовать вне этого. А что об этом могут подумать... Не знаю, как вы, а я стараюсь жить так, чтобы вызвать собственное одобрение, а не одобрение общества.

— Тем не менее мне известна часть общества, у которой вы вызываете горячее одобрение. Как-то мы с вами оказались на заседании некоего клуба, состоявшегося из дам разного возраста — они окружили вас такой заботой и любовью, что мне стало завидно. Что ж у нас за жизнь такая, право, если женщины тянутся...

— К поэтическому вибратору, к стихам как к удовлетворителю? Думаю, надеюсь, что это все же не так. Эти милые дамы хорошо меня знали; обычно нормальные женщины в возрасте от семнадцати до сорока и выше путают поэта и его лирического героя. Со страниц моих книжек встает образ сексуального маньяка, сексуального терро-

ВИШНЕВСКИЙ без К°
Фирма "Доверие"!

Хранение ваших коммерческих тайн!..

Наши филиалы в Малаховке ("Молчок")
и в Балашихе ("Могила")...

Доверьтесь нам — и Вы расширитесь при нагревании!..

Там будет все, чего тебе нельзя...

Мадам, что это было — ваше тело?..

Осталось мне повторно вас растрогать...

Люблю тебя — скажи, нам это нужно?..

Здесь нестабильно даже ухудшение...

Улучшится погода — нам же хуже...

Дыши, а то и этого лишат!..

Я слышал, что вы нравитесь мужчинам...

Да, мы должны держаться труп за трупом...

Ведь я просил, чтоб не было улик!..

Вы что, пришли навеки поселиться?..

Мадам, но мой проезд в один конец?!

Любое ваше действие — развратно...

Едва я вас узнал — меня не стало...

Что ж, буду знать, к кому не обращаться...

Сегодня всем* опасно заниматься...
* И даже тем, о чем вы все сейчас...

Пусть я не мэр, но я обеспокоен...

О, как сладко фиговой заниматься!..

Мадам, не умирайте... Ах, вы спите...

А всех, кто дышит, я бы попросил...

Вот сумма, чтобы выглядеть достойно...

Как часто подставляют нас — любя...

Везет же вам — вы хоть свою смертью!..

Любимая, прелестна ты без шапки...

А что ты ремонтируешь — хоть знаешь?!

Ребята, две купюры допечатать!..